

В. Виндельбанд

Платон

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В11

В11 **В. Виндельбанд**
Платон / В. Виндельбанд – М.: Книга по Требованию, 2013. – 170 с.

ISBN 978-5-458-24497-8

Книга повествует о жизненном и творческом пути Платона - одного из наиболее ярких представителей древнегреческой и мировой цивилизации. Автор подробно излагает философские идеи Платона, анализирует его основные сочинения, в которых раскрывалось отношение человека к обществу, политическим и социальным проблемам. (Windelband) Вильгельм (11.5.1848, Потсдам, 22.10.1915, Гейдельберг), немецкий философ-идеалист, глава баденской школы неокантианства. Профессор в Цюрихе (1876), Фрейбурге (1877), Страсбурге (1882) и Гейдельберге (1903). В. известен своими трудами по истории философии ("История древней философии", 1888; рус. пер. 1893; "История новой философии", Bd 1-2, 1878-80; рус. пер., т. 1-2, 1902-05), в которых философские системы прошлого излагаются с кантианских позиций. Переводчик: А. Громбах

ISBN 978-5-458-24497-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

веннейшей сущностью своей личности и своих стремлений, и в своем учении и сочинениях изложил ее в законченной форме.

Данные для этого заключались в особенностях того процесса, которым до него наука у греков развилась в особый, определенный, независимый от остальных, вид деятельности, и в тех отношениях, которые, на основании этой самостоятельности, создались между наукою и всеми прочими формами народной жизни. Для понимания задачи Платона необходимо окинуть взором эти отношения.

Благоприятное экономическое положение, составляющее в известной степени необходимое условие и для духовного развития, в пределах греческого мира раньше всего выпало на долю торговых городов на его окраинах, так называемых колоний, в Ионии, в Сицилии, в Нижней Италии и во Фракии. В них возникла и греческая наука, перешедшая от практических сведений, накопленных опытом, и от фантастических образов мифологии к исследованию природы; ее первыми темами были общие отношения внешнего физического мира, ее интересами — вопросы из области астрономии, физики и метеорологии. Отсюда она постепенно переходила к отвлеченным исследованиям, в которых подготавливались основные формы научного мирозерцания. Однако эти стремления, хотя и проявляющиеся в оживленном литературном обмене, имеют вначале характер своеобразной замкнутости: их носителями являются отдельные личности или тесные, судя по всем данным, замкнутые в себе школьные союзы на товарищеских началах. Именно это показывает, что здесь наука, т.е. самодовлеющее и само по себе привлекательное познание, возникла как обособленный от всех прочих органов культурного духа. Эта “философия” ведет среди бурной общественной жизни тихое изолированное существование. Одним только неизбежным своим воздействием на религиозные представления она, первоначально враждебно, соприкасается с народным духом и в пифагорейском союзе делает первые попытки реформировать его и оказать на него воспитательное влияние.

Могучий подъем национального самосознания, вызванный персидскими войнами, произвел резкую перемену и в этой области: в огромный переворот, которому подверглась вся действительность, была вовлечена и наука. И эта внутренне укрепляющая сила должна была теперь начать служение целям общественной жизни. Для греков в это время давно уже миновала эпоха спокойных, неизменно передававшихся от поколения к поколению привычек веры и жизни: горячая борьба между городами и в городах между отдельными родами и лицами вызвала к жизни все силы и поколебала значение всего установленного в области права, порядка и обычая. Огромную цену приобрела при таких условиях личность, яснее сделалось значение собственного опыта и самостоятельного размышления. Кто слепо и не рассуждая держался старых традиций, того затапывали в великой битве или отбрасывали в сторону; победный лавр в борьбе за существование выпадал на долю построенного на знакомстве с действительностью суждения.

Таким путем у греков вырабатывалось сознание, что всякое умение в политике, как и в области ремесла или искусства, должно быть плодом выучки; в этом сознании заключался противовес против все усиливавшейся демократизации государственного строя, против уничтожения всех сословных различий, против господства толпы и жребия. Но в тоже время из него возникло неизвестное дотоле честолюбивое стремление к образованию и потребность в обучении политическому искусству. Таким искусством при данных условиях могло быть только ораторское. Только сила убедительного красноречия могла, как показал блестящий пример Перикла, доставить в демократическом государстве господство над умами.

Поэтому люди с жадностью и любопытством набросились на ту “мудрость”, которая до сих пор шла своим отдельным путем. Она, плод благородного досуга и бескорыстных занятий, должна была удовлетворить всем требованиям и ожиданиям, и из гражданина сделать умелого государственного деятеля. И вот явились люди, которые взялись своими познаниями решить эту задачу; их называли людьми мудрости, *софистами*. Таким образом, наука

обратилась в обучение и скромные исследователи стали публичными учителями. Знание и обучение сделались профессией, искусством, которое, как и всякое другое, вскоре пустилось в погоню за хлебом. В процессе социальной дифференциации самостоятельно развернулся новый орган: отныне научная работа должна была вступить в плодотворное взаимодействие с прочими видами общественной деятельности.

Но эта задача была еще впереди. Какими данными обладали софисты для ее выполнения? Когда они прежде всего начали извлекать чужую мудрость из книг последнего столетия, они нашли там много сведений по естественной истории, набранных из всевозможных иностранных и своих греческих источников, и множество пояснительных теорий физического и метафизического характера; из этих теорий одни были трезвы и осторожны, другие — смелы и фантастичны, одни привлекали своей наглядностью, другие ошеломляли своей отвлеченностью, и все они находились в противоречии друг с другом, и каждая из них была так же шатка, как другая. Такими познаниями можно было блистать перед изумленными слушателями; от этой трапезы можно было набрать много крох, пригодных для того, чтобы с важным видом уснащать ими повседневные разговоры; но это еще не давало возможности ни учить, ни учиться искусству быть дельным гражданином и политиком. Поэтому софисты, не отказываясь и от этих приманок, главное значение придавали все-таки ораторскому искусству. Менее значительные из них довольствовались, вероятно, преподаванием внешних аксессуаров красноречия, как фразеология, произношение и декламация, или же обучением различным приемам доказательств и опровержений в судебных и политических речах, и они довели, по-видимому, технику адвокатских уловок до значительного совершенства; лучшие же, с Протагором во главе, дали этому своду практических правил более глубокое содержание: они старательно исследовали, как возникают человеческие мнения и оценки, и как можно сделать их убедительными для других. Отсюда развились психологические теории и зачатки общих логических и этических правил. Но так как

исследование было всегда направлено только на вопрос о том, как возникают человеческие воззрения и намерения, и как можно на них влиять, то, в конечном результате, постоянно является только тот вывод, что все можно доказать и все можно опровергнуть, что всякое мнение и всякая оценка действительны только для рассуждающего и оценивающего лица, но не более. Отказавшись, таким образом, от сверхличной истины, мудрость софистов оказалась неспособной исполнить свою национальную и социальную задачу: она могла только увеличить ту путаницу, выход из которой ей следовало найти и указать. Когда в V веке Афины сделались экономическим, на короткое время также политическим, и навсегда духовным центром Греции, тогда здесь достигло пышного расцвета и софистическое движение; но именно здесь оно явилось самым болезнетворным агентом начинавшегося разложения общественной жизни.

Эту опасность понял своим простым и здоровым умом *Сократ*. Гениальный представитель греческого просвещения, он был вполне согласен со своими противниками-софистами в том, что всякое умение основано на знании, и что только познание создает дельных и счастливых людей, и он облек эту мысль в наиболее удачную форму. Но он понимал также, что искусство софистов направлено исключительно на охранение личных интересов и на их успешную защиту; этой цели должны были служить все познания и весь навык. Практическая ценность знания, которого требовал дух времени, для софистики заключалась только в том, чтобы увеличивать силу личности, стремящейся к власти и могуществу. Против этого возмутилась благородная патриотическая душа величайшего афинского гражданина. Для него “дельным” гражданином был человек, умеющий заботиться не о себе, но о государстве; “умелость” государственного деятеля он видел не в способности проводить свои мнения и интересы или мнения и интересы своей партии, а в прозорливости, направленной на служение общему благу; от науки он требовал влияния на граждан не в том смысле, чтобы из них создавались “дельные” для преследования своих личных целей люди, — он требовал, чтобы наука делала из них людей, склонных

и способных служить отечеству. Искусство, которому наука должна обучать гражданина, заключается в том, чтобы быть порядочным в нравственном смысле, т.е. добродетельным. Дельность и добродетель — вот в чем различие между софистами и Сократом: у первых — личная способность действовать, у последнего — нравственное развитие характера. Но оба понятия выражались в греческом языке одним и тем же словом (*ἀρετή*, как позднее латинское *virtus*) и отсюда возникла историческая диалектика, которая, проглядывая уже у Платона, красной нитью прошла через всю этико-политическую литературу последующих столетий, представляя собою постоянный источник недоразумений и двусмысленностей.

Таким образом, у Сократа, как и у софистов, нет и речи о знании, которое имело бы в самом себе свою цель и свое удовлетворение, хотя, быть может, иногда в самом разговоре, в пестрой игре утверждений и опровержений сказывалось эстетическое удовольствие одаренного богатой фантазией грека. В общем же у него стоит на первом плане серьезность той задачи, которую должно выполнить познание — сделать человека нравственно лучше и воспитать из него хорошего гражданина. Но чем отчетливее осознавалась эта задача, тем яснее становилось, как недостаточны для ее выполнения средства, доставляемые современной наукой. То самое, что было в ней наиболее значительно, лишало ее всякой практической приложимости. Из понимания природы она все более и более исключала антропоморфические элементы мифа и перешла к смелым отвлеченным системам, в которых развивались общие теоретические воззрения на бытие и происхождение всех вещей, на субъекты и формы естественных процессов; но связь между этими метафизическими представлениями о механической совокупности внешнего мира и тем, что ценно в человеческой жизни, могла быть установлена в лучшем случае посредством остроумных аналогий, и никогда нельзя было этого достигнуть путем строго логических размышлений. Такое же значение имели и те многочисленные отдельные сведения, которые следовало переработать при помощи указанных понятий. Наиболее пригодными из них

могли казаться данные, которые были добыты путем наблюдения и рассуждения в области физиологии и психологии, и число которых в V веке поразительно возросло. Но именно то обстоятельство, что этими данными пользовались софисты, показывало, что такими средствами можно дойти только до понимания психологической необходимости всех человеческих мнений и волевых движений.

Всю эту ученость, в которой он, вероятно, не был таким невеждой, как иногда предполагают, Сократ для своей цели считал возможным и необходимым отбросить. Предметом того знания, в котором он надеялся найти добродетель и счастье личности, благо и спасение государства, были только нравственные ценности и нормы. В этой области Сократ считал возможным прийти к твердым, имеющим всеобщее значение результатам, в противоположность софистическому направлению его эпохи, которое заставляло разжижаться и испаряться все убеждения. Данные для этого он нашел в непосредственном народном сознании, в той могучей силе, которую общее разумное размышление способно проявить над противоречиями и заблуждениями единичных мнений и желаний. Посредством совместного серьезного размышления должны быть найдены, от какой бы отправной точки ни исходить, те общие принципы, на основании которых человеку следует, как в личной, так и в общественной жизни, производить оценки, устанавливать цели и соответственно с ними поступать.

Поэтому, как ни высоко ценил именно Сократ этическое, политическое и социальное значение “знания”, он все-таки горячо боролся против цеховой “науки” в ее софистической форме. Истинным носителем нравственного знания является для него народ, и свою собственную задачу он видит только в том, чтобы помочь “разрешиться от бремени” этому зачаточному сознанию, чтобы из смутных чувств развить ясные правила, и полусознанные, неуверенные стремления воли и попытки оценки претворить в отчетливые понятия. При таком взгляде знание оказывается нравственной и политической обязанностью каждого гражданина, пробуждение его — задачей всякого зрелого человека, цеховое же отношение к нему, особенно там, где

ему, как ремеслу, предстоит сделаться источником дохода, является заблуждением и унижением.

Однако, как ни благороден был образ мыслей Сократа, сказавшийся в этих стремлениях, как ни законна была та потребность, из которой они возникли, — эти стремления все-таки были совершенно непригодны для достижения цели; и только гениальной личностью самого Сократа объясняется то могучее влияние, которое он имел на ограниченный все же круг очень разнородных лиц и которое прославило его имя. Обаяние личности было сильнее, нежели философский принцип. Если отражение этой личности мы находим в самом разнообразном освещении во всех, далеко отстоящих друг от друга, разветвлениях древней философии, и если каждое из них заявляет притязания на нее, как на своего героя, то общим для всех остается не философское учение, а именно эта сила личности. Без этого момента деятельность Сократа с течением времени выродилась бы в нравоучительное резонерство. Если же он требовал знания “понятий” и этим высказал великий по своему значению принцип, то и в нем самом это было лишь зерном, брошенным притом в не очень благодарную почву. Дальнейшее развитие наук до наших дней показало, что образование прочных общих понятий в области оценок, быть может, труднее, чем во всякой другой, и если мы присмотримся к плодам, которые пожал сам Сократ на этом поприще, то они окажутся очень незначительными. Когда Платон и Аристотель пересадили принцип отвлеченного мышления в область метафизики и естествознания, тогда только сократовский побег окреп и превратился в могучее дерево, которое впоследствии принесло свои плоды и для этики.

Поэтому, если бы наука осталась в тех рамках, которые указал ей Сократ, и удовольствовалась одним знанием того, что необходимо для практической деятельности, то среди этого сухого по существу рационализма и технического утилитаризма философских краснобаев вскоре были бы безвозвратно забыты все великие результаты, достигнутые умственными усилиями дософистической натурфилософии; вместе с этим снова погибла бы ценность науки и

снова вернулось бы первобытное состояние, в котором умственная жизнь проявлялась, рядом с мифическими представлениями, только в практических сведениях и искусствах с одной стороны, и в нравоучительных размышлениях с другой.

Здесь нам становится понятным значение Платона, который в эпоху этого смутного и в то же время страстно возбужденного состояния умов взялся пересоздать науку с самого основания и потребовать для нее господства над всеми сторонами человеческой жизни. Смелость и силу для этого он черпал в поклонении сократовскому жизненному идеалу и в политической страстности, с которой оно в нем соединялось. Он никогда не был бесстрастным мыслителем и исследователем: горячая кровь моралиста и политического реформатора чувствуется во всех его сочинениях, как и во всей его жизни.

Но эта склонность получает в нем возвышенный характер благодаря преобладанию философской мысли. Он понял, что науке, если она хочет дать закон и направление человеческой жизни, нельзя останавливаться на политических и нравственных размышлениях, что она должна понять и установить цели человечества из совокупности цельного мирозерцания, — и это было решающим моментом в его развитии.

Если Платон, исходя из этой точки зрения, снова воспринял идеи старой метафизики, если он таким образом соединил в себе разрозненные нити предыдущего развития, то это сочетание космологических и антропологических принципов неизбежно должно было привести его к телеологическому мирозерцанию. Если цели человеческой жизни должны быть определены познанием внутренней связи всех вещей, то и самую эту связь нужно понимать как нечто целесообразное.

Такое телеологическое мировоззрение само собою получает религиозный характер. Поэтому в то время, как первоначальная наука греков отвернулась от мифических представлений, а эпоха просвещения, в лице Сократа, как и в лице софистов относилась к ним сравнительно безразлично, Платон снова приходит в живое соприкосновение с рели-

гиозным сознанием. Он даже и в этом отношении человек партии и является представителем определенного направления. Научный интерес так тесно связан у него с религиозным, что он, в противоположность всему остальному греческому миру, догматически устанавливает и защищает определенные религиозные положения и вводит их, как составные части, в свою метафизическую систему. Таким образом, он становится первым богословом; он всегда действовал как богослов, и богословом его всегда признавали.

Только с этой точки зрения получает свою особенную окраску его намерение — сделать науку путеводительницей жизни; и в этом стремлении — сделать определенное учение господствующим принципом в мире людей — заключается значение его деятельности, пророчески опередившей его время.

И если в заключение мы добавим, что это огромное внутреннее содержание проявлялось не только в безустанном преподавании и в юношески бодрой, до глубокой старости не ослабевавшей деятельности, но и лежит перед нами в художественно совершенной форме, что этот мыслитель и политик, этот богослов и пророк был одним из величайших писателей всех времен и всех народов, то перед нами встанет законный образ одной из тех редких личностей, в которых концентрируется высшее содержание всех сторон жизни нашего рода, как будто достигая крайних пределов, какие доступны человеку.

I. ЧЕЛОВЕК

Время рождения Платона совпадает с первыми годами Пелопоннесской войны, с тем кульминационным пунктом греческой истории, когда минутный блеск настоящего еще скрывает начало упадка. Родина Платона — Афины, в это время неоспоримое средоточие греческой жизни и господствующий город, только что с гордой уверенностью в победе начавший борьбу, которая в конце концов должна была сломить его могущество. Внутри его царит богатая, разнообразная жизнь, где всем силам воли и разума предоставлена полнейшая свобода. Демократический строй и сопряженные с ним опасности уже начинают сказываться; общественная жизнь становится более бурной и дикой, страсти толпы делаются верховною волей, и классовое различие между бедностью и богатством получает все более и более мрачное и могучее значение. Но из этой мутной среды возникают светлые образы искусства и науки. Драматическая поэзия дает лучшие свои плоды в трагедии и комедии, город наполняется высокими произведениями скульптуры, и мужи серьезной науки, как и софисты, — все идет в Афины.

В этом-то мире приподнятой и напряженной культурной жизни родился Платон — тот дух, в котором должны были сосредоточиться и проснуться пылкие стремления его времени к созданию нового идеала.

Его жизнь, хотя она совпадает со столь ярко освещенной исторической эпохой, можно с полной достоверностью восстановить лишь в общих чертах; относительно многих подробностей мы, к сожалению, находимся в совершенном